

Георгий Александрович Черемисинов,
д.э.н., профессор кафедры экономической теории и национальной экономики
Саратовского государственного университета

Институциональные и историко-экономические аспекты концепции больших циклов Н.Д.Кондратьева

Интерес к концепции больших циклов Н.Д. Кондратьева в последнее время во многом связан с анализом и оценкой перспектив нынешнего состояния экономики ведущих стран и всего мирового хозяйства. Научно-практическое, прикладное использование теории длинных волн достойно признания и уважения, но его не следует считать единственно возможным направлением научных исследований. Не менее насущна разработка фундаментальной экономической теории и формирование обновленных учебных курсов посредством теоретико-методологического моделирования в рамках концепции больших циклов, в основе которых лежат процессы преобразования социально-экономических структур, охватывающие полувековой временной горизонт (45-60 лет)¹.

Методология парадигм в экономической науке

Изучение теории и истории отечественного хозяйства имеет важное методологическое значение для формирования и развития современной экономической науки. Без него невозможно создание единой, внутренне не противоречивой концепции, объясняющей закономерности функционирования российской экономики в рамках новой индустриальной истории, на протяжении последних полутора веков.

Проблема изучения долгосрочной экономической динамики, охватывающей не одно десятилетие, решена уже на уровне учебных курсов в развитых странах Запада. Достаточно посмотреть переводы на русский язык американских² и шведских учебников³. У нас же до последнего времени преобладали логические конструкции «переходной» экономики, ограниченные сроками осуществления политики рыночного либерализма.

Сегодня ощущается потребность в становлении «россиеведения» как полноценного и приоритетного направления общественнознания⁴. Плодотворным

направлением исследований в этой области может быть методология парадигм, под которыми чаще всего понимают теоретические устои, господствующие в научных кругах на протяжении определенного исторического этапа. При выработке новой парадигмы, т.е. целостной системы представлений об обществе и происходящих в нем переменах, классические или традиционные воззрения не отбрасываются, а входят в формирующуюся систему представлений в качестве частного случая⁵. Таким «особым случаем» была парадигма экономической мысли, которая сложилась в СССР в годы нэпа (в конце 20-х – начале 30-х гг. XX века) и соответствовала директивно-плановой хозяйственной системе.

В литературе встречаются и более широкие толкования понятия парадигмы. Содержание культурно-экономической парадигмы раскрывается как совокупность способов организации производства, норм и правил хозяйственного поведения, доминирующих социальных типов хозяйствующих субъектов и др.⁶

Американский философ и историк науки Томас Кун определял понятие парадигмы широко и многоаспектно, пользовался им для периодизации научно-технических достижений, имея в виду сумму технико-производственных знаний и способы их практической реализации. Под парадигмой Т. Кун подразумевал признанные всеми научные достижения, которые в течение известного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений. Термин «парадигма» тесно связан с понятием «нормальной науки» – исследованием, прочно опирающимся на одно или несколько прошлых научных достижений, признаваемых в течение некоторого времени определенным научным сообществом основой для его дальнейшей практической деятельности⁷.

Венгерский экономист Янош Корнай предложил специфическое понятие «системная парадигма»: «Парадигма – это долговременно существующий способ мышления научного сообщества. Сменяющие друг друга поколения изучают ранее созданную парадигму по учебникам. Это – критерий, которому отвечает *системная* парадигма. Она позволяет взглянуть на длительный исторический период и обеспечивает определенный круг исследователей интеллектуальным путеводителем, что и призваны делать парадигмы»⁸.

Автор перечисляет главные свойства системной парадигмы: системный анализ; охват всех обществоведческих наук; институциональный подход; историческое объяснение происходящего; политический либерализм и индивидуальный выбор; изучение перехода от системы к системе; выявление недостатков функционирования системы; сравнение между общественными системами.

Я. Корнаи отличает системную парадигму от экономической парадигмы, основанной на эконометрике и математических методах. В основе системной парадигмы лежит стремление воспринимать реальность с разных сторон. Поэтому сторонники системной парадигмы готовы серьезно поступиться научной строгостью и точностью. Ее методология «мягче», чем методология «полужесткой» или явно «жесткой» экономической парадигмы. Но перед системной парадигмой стоят проблемы, которых последняя избегает⁹.

Думается, что кроме перечисленных теоретических взглядов допустимо иное объемлющее воззрение. Хозяйственный механизм общества можно рассматривать как своеобразную хозяйственную парадигму: систему экономических знаний и практических навыков, образцов (примеров) поведения, стимулов и регуляторов воспроизводства, организационных форм, правовых, культурных, религиозных норм, идеологических установок. У каждого народа образуется свое сочетание частного почина и государственной регламентации, идеологии индивидуализма и соборности, почитания традиций и веры в здравый смысл. Оно формирует тип работника, трудовую этику, потребности, хозяйственное право, которые придают национальные особенности экономике. «Парадигмальный» подход позволяет учесть специфику течения отечественной истории.

Термин «парадигма» допустимо использовать в трех основных значениях: во-первых, как господствующий в науке образ мышления, во-вторых, как образцы хозяйственного поведения, в-третьих, как образцы решения научных задач. Соответственно можно изучать проблемы в трех измерениях, в традиционном для отечественной экономической науки сочетании: экономической теории, экономической истории и истории экономической мысли.

Научно-методические основы концепции больших циклов

Проблему исторического развития экономических систем и смену хозяйственных парадигм целесообразно исследовать, используя сформулированную Н.Д. Кондратьевым концепцию больших циклов или длинных волн. Теоретическая модель кондратьевских циклов обладает серьезным концептуальным научно-практическим потенциалом. Заложенный в ней принцип снимает формально-логические противоречия между индивидуально-описательным (идеографическим) и абстрактно-схематическим (номографическим) подходами. Любое историческое событие понимается и как результат стихийного сцепления обстоятельств, и как звено в закономерной цепи явлений. Систематизация явлений, выяснение их повторяемости во времени дают в руки исследователя ключ к толкованию причин общественных процессов, к постижению логики истории. На основе опыта прошлого, конечно со всеми оговорками, можно предсказывать вероятное наступление событий в будущем.

Историко-экономический подход – неотъемлемая часть макроэкономических исследований различных временных рядов показателей и качественных параметров, в том числе современных. Он предполагает сочетание количественного, математического анализа и содержательного описания причинно-следственных связей, выявления закономерных взаимозависимостей между факторами историко-экономического процесса. Названная методология открыта для абстрактных, «исключающих» исследований и для конкретных, включающих многообразные факторы теоретических моделей.

Перспективным направлением научного поиска представляется формулировка и апробация в качестве рабочей гипотезы посылки о том, что макроэкономическая динамика определяется не только трендами – долговременными тенденциями изменений временных рядов, но и пороговыми изменениями. Соответственно, предполагаются нижеследующие дефиниции.

Пороговая величина – это предельное значение экономического параметра (состояния экономической системы или ее отдельных элементов-подсистем), при котором количественные изменения сопровождаются изменением качест-

венных характеристик (свойств), переходом из одного режима функционирования в другой, сменой тенденций развития.

Пороговые изменения – это преобразования социально-экономических процессов и систем, связанные с достижениями их пороговых состояний и переходами через пороговые значения режимов их функционирования и развития.

Все элементы больших циклов взаимосвязаны, но не один из них не является первопричиной длинной волны. Экономические процессы органически сочетаются с событиями, кажущимися на вид случайными, приходящими извне, такими как открытие и освоение новых месторождений полезных ископаемых, научные достижения, военно-политические конфликты. Изучение различных сфер человеческого общества с точки зрения их соответствия друг другу не менее значимо, чем выделение отдельных доминирующих причинно-следственных связей.

Воспроизводственные циклы задают своеобразную форму развития общественных явлений. Оно протекает как процесс взаимодействия противоположных тенденций, попеременного преобладания каждой из них, где возможны спады и подъемы, своя периодичность. Модели экономических циклов описывают развитие и разрешение противоречий интересов субъектов как периодические процессы, в результате которых осуществляется воспроизводство противоречий. Циклическая форма развития политико-экономических противоречий показывает повторяемость событий, взаимосвязь факторов и закономерности историко-экономического процесса, в ходе которого причины и следствия могут меняться местами.

В теоретической модели больших циклов взаимодействуют несколько факторов: накопление капитала, динамика банковского процента, формирование и развитие рынков сбыта продукции, изменение соотношения сил различных стран на мировом рынке и передел сфер влияния в международном хозяйстве, действие социальных групп внутри отдельных государств, использование достижений науки и техники в производстве, функционирование денежной системы. Полувековые волны характеризуют процессы перестройки всей социально-экономической структуры.

Концепция больших циклов объясняет закономерные процессы переплетения технологических, социально-демографических и экологических факторов общественного развития. Отраслевая структура исторически формируется как «слоеный пирог». Сферы деятельности, лежащие в ее основании, уже прошли стадию зрелости. Они служат источниками финансовых, трудовых и материальных ресурсов для новых отраслей, которые инициируют колебания долгосрочной конъюнктуры.

Теоретическая модель больших циклов основана на методологии открытости, т.е. она предполагает охват разнообразных традиционных и включение новых дополнительных факторов циклической динамики экономических процессов: от микро-уровня до международной системы хозяйства. В методологии циклического анализа экономики наблюдается тенденция увеличения числа факторов моделирования по мере удлинения срока цикла. Поэтому методически обоснованным представляется использование концепции больших волн для формирования «мультикаузальной» интегрированной теоретической модели. Кроме названных выше, в перечень факторов, формирующих механизм длинноволновых циклических колебаний, включают также финансово-кредитные, транспортно-инфраструктурные, информационные, торговые, геоэкономические, социальные, институциональные и прочие факторы.

Институциональные аспекты длинноволновой динамики

Большие циклы определяют динамику развития хозяйственного механизма общества. Господствующие образцы хозяйственного поведения сводят воедино обособленные устремления различных людей, социальных групп, коммерческих предприятий и некоммерческих учреждений, государственных органов управления. Перечисленные субъекты вынужденно приспособляются к существующей экономической ситуации. В то же время они деятельно, соразмерно собственной мощи, видоизменяют условия хозяйствования, приближают грядущие структурные сдвиги в экономике, подготавливают очередные реформации экономической мысли и хозяйственных регуляторов. При этом возника-

ет напряженность и зреют конфликты между социальными силами, благополучие которых связано с новоявленной или изживаемой системой ценностей.

Теория циклов допускает совмещение методологии институционализма и динамических макроэкономических моделей. Воспроизводственные циклы обуславливают колебания экономического роста, обратимость институциональных изменений, периодичность и закономерность преобразований предпринимательства. Развитие хозяйственного механизма страны осуществляется как эволюция и смена хозяйственных парадигм. Оно сопряжено с коренной перестройкой отраслевой структуры экономики, когда освоение серии научно-технических достижений и передовых технологий создает перспективные сферы и формы организации предпринимательства. Межотраслевой перелив капитала направляет людей на открываемые рабочие места. Распределение занятости трудоспособного населения определяет интересы, идеологические предпочтения и расстановку сил социальных групп, формирует неповторимый социально-исторический «портрет» каждого цикла. Происходят изменения в системе стимулов и регуляторов воспроизводства, организационных и правовых форм хозяйственной деятельности.

Национальную экономику следует рассматривать как многоуровневую (многоукладную) систему, построенную по принципу иерархически подчиненной пирамиды. В ней (снизу – вверх) присутствуют: 1) дорыночный сектор натурального домашнего хозяйства; 2) сектор индивидуальной трудовой деятельности и кооперативов; 3) мелкий и средний частнохозяйственный бизнес и розничная торговля; 4) корпоративный сектор, включая оптовую торговлю, биржи и банковские учреждения; 5) государственный сектор.

Одновременное сосуществование различных социально-экономических систем говорит об их относительной самостоятельности и взаимной обусловленности. Каждый уклад имеет свои специфические механизмы хозяйствования, из которых складывается целостный механизм самонастройки всей национальной экономики.

Вышерасположенный уклад – «надстройка» – играет ведущую роль по отношению к нижестоящему в иерархической лестнице укладу. «Пирамидальная» концепция укладов позволяет объяснять взаимосвязь и соподчиненность интересов в национальной экономике. Между укладами выстраивается последовательная соподчиненность – иерархия, так как по мере укрупнения хозяйствующих субъектов растет их мощь, расширяется влияние на общественную жизнь. К экономическому господству добавляется политическое, ибо хорошо известно, что власть накапливается, как и деньги. Мелкие хозяева охватываются, контролируются и используются верхними звеньями экономики в интересах крупного капитала. Венчает пирамиду государство, которое опирается на самый сильный, передовой уклад.

Государственное предпринимательство как фактор формирования больших циклов

Для построения обобщающей теории отечественной экономики недостаточно идей западного либерализма. В основе традиционных воззрений «economics» на хозяйствование лежит односторонний взгляд частного лица, а государство выступает производным от рыночного обмена элементом. С таких позиций нелегко понять закономерности становления, существования и преобразования директивно-плановой системы советской экономики. Более продуктивным оказывается иной методологический подход, согласно которому государство выступает главным субъектом в национальной экономике, определяющим траекторию и качество экономического роста, социальную структуру и хозяйственный механизм страны.

В экономической науке нет пока устоявшегося, общепринятого понимания тенденций развития российского хозяйства. Имеются разные оценки роли государства в социально-экономической жизни нашей страны. Изучение отечественного государственного предпринимательства как типологического признака закладывает предпосылки для создания единой концепции развития российской экономики в рамках индустриальной истории – на протяжении последних полутора веков.

Научное исследование может опираться на ряд теоретико-методологических предпосылок. Прежде всего, государство – полноправный, самостоятельный субъект хозяйственной деятельности, «естественный» участник целой системы экономических отношений. Важнейшим средством достижения его политико-экономических целей является государственное предпринимательство, т.е. непосредственное участие государственной власти в хозяйственной жизни страны, связанное с использованием имеющейся казенной собственности и источников ее пополнения. К государственному предпринимательству обычно относят казенное производство, торговые монополии, займы и субсидии, поступление и расходование средств бюджета.

Экономические функции государства многообразны. Властные структуры присваивают на основании публичного права часть доходов населения в виде налогов, пошлин, сборов и других повинностей. Это – безвозмездное, неэквивалентное присвоение казной определенной доли общественного продукта. Средства, собранные путем изъятия части национального дохода, могут использоваться для такого же безвозвратного расходования.

Кроме того, государство выступает субъектом обычных рыночных сделок. Коммерческие отношения предполагают равный, на основе гражданского права, товарно-денежный обмен, оплату приобретаемых благ и услуг. Между двумя обозначенными крайностями располагается целый спектр хозяйственных отношений государства, по привлечению и использованию средств, с различной степенью эквивалентности (возмездности).

Таким образом, частно- и публично-правовая хозяйственная деятельность государства составляют неотъемлемый, органический компонент социально-экономической жизни страны. Более того, концепция государства-хозяина предполагает не столько разделение, сколько совмещение в его предпринимательской инициативе забот о пополнении казны с регулированием экономики в собственных интересах. Поэтому с хозяйственной деятельностью переплетаются функции государственного управления: организация кредитно-денежного обращения, законодательное установление налоговых платежей, регулирование

режима внешнеэкономических связей, регламентирование цен, тарифов, условий найма рабочей силы.

Объединяющей основой государственного предпринимательства служит бюджет. Именно размеры и характер обращения бюджетных ресурсов определяют первенство государства во всей экономической системе страны. Государство стремится повседневно приумножать свои финансовые возможности, как и всякий иной субъект хозяйствования. Правда, рассматривать государственные структуры в виде единого субъекта можно лишь с известными оговорками.

Власть представлена многочисленным слоем служащих, образующих иерархию управления. Между отдельными группами управленцев объективно, в силу их принадлежности к разным ведомствам, существуют противоречия. При распределении финансовых потоков на каждом уровне административно-хозяйственного руководства преодолеваются разногласия заинтересованных сторон. Право окончательного использования государственных ресурсов передается в руки частных лиц, коммерческих и некоммерческих организаций. Государственное предпринимательство объединяет в одну систему всех, хозяйничающих за счет казначейства. Так образуется сводный субъект экономической деятельности с расплывчатыми границами, но с ярко выраженным общим интересом: доступом к ресурсам бюджета. Деятельность государства, связанная с использованием казенной собственности и источников ее пополнения, может быть охарактеризована как предпринимательская, поскольку ей движет мотив расширения кругооборота контролируемых хозяйственных ресурсов.

Развитие экономики идет по равнодействующей от столкновения и сочетания интересов государства и других участников хозяйственной деятельности. Каждый стремится укрепить занимаемые в соперничестве позиции. Многие экономические функции выполняются как государственным, так и частным предпринимательством. Кому достанется первенство, решают сила, преобладание коммерческих или политических соображений, национально-культурные традиции народа и конкретные исторические условия.

Обычно в стране наблюдается взаимодействие и достижение соответствия между состоянием хозяйственного механизма, соподчинением интересов социальных групп, соотношением частного и государственного предпринимательства, законодательным регламентированием экономической деятельности, а также динамикой колебаний конъюнктуры. Государство играет решающую роль в формировании структуры и установлении порядка функционирования перечисленных компонентов социально-экономической сферы. Они составляют круг тех обстоятельств, к которым приспосабливается правящая власть и которые она приспосабливает к собственным нуждам.

Хозяйственные отношения государства регламентируются нормами публичного и гражданского права. Пропорции между публично-правовой и гражданско-правовой деятельностью обуславливают структуру и размеры казенного предпринимательства, показывают объем ресурсов, присваиваемых и используемых им безвозмездно, с некоторой долей возмездности и за счет эквивалентного, товарно-денежного обмена. Границы распространения государственного хозяйствования очерчивают пределы, в которых допускается частное ведение дел.

Господствующее сословие утверждает юридические нормы, регулирующие хозяйственный оборот в стране. Государство не только выступает гарантом соблюдения принятых нормативных актов, но и слывет учреждением, которое способно менять «правила рыночной игры», пренебрегая ради своей выгоды потребностями любых физических лиц и организаций. Правовое поле включает субъектов экономики в отношении равенства или соподчинения.

Законотворчество дает возможность государственному аппарату определять социальную стратификацию – расслоение общества на группы по различным признакам: доходам, имуществу, профессиям и т.д., управлять социальной мобильностью – передвижением людей из одного слоя в другой, сооружать удобную социальную иерархию. Бюрократия сохраняет свою незыблемость, успокаивая конфликтующие силы, разрешая противоречия интересов социальных групп.

Правительство строит свои отношения с частными дельцами, кооперацией, казенными предприятиями и организациями, наемными работниками, всем населением, используя регламентируемые законодательством формы: бюджет, налоги, займы, кредитно-денежную эмиссию, процент по ссудам, заработную плату, доходы, прибыль, цены, обменный валютный курс, таможенные пошлины и т.п. Поименованные формы составляют хозяйственный механизм общества и механизм согласования многочисленных экономических интересов.

В «каркасе» социальной и институциональной структуры хозяйственного механизма развивается экономика страны, осуществляется казенное предпринимательство, складываются важнейшие макроэкономические пропорции и параметры. На пульсацию внутреннего рынка серьезно влияет работа «государственной машины» посредством текущего хозяйствования и переделки социально-экономических институтов.

Между динамикой конъюнктуры экономики страны, хозяйственным механизмом, правовыми нормами и образцами трудового поведения людей, социальной структурой и государственным предпринимательством существует тесная взаимозависимость. Экстраординарные изменения количества ресурсов, втягиваемых в оборот государственного сектора экономики, как правило, сопровождаются соответствующими переменами в хозяйственном законодательстве, трудовой этике народа и его социальном расслоении, режиме функционирования регуляторов рыночного равновесия, конъюнктурных колебаниях и фундаментальных условиях общественного воспроизводства.

Социально-экономические преобразования могут быть постоянно возобновляемыми, кумулятивными. Так, реформирование бывает цикличным в случаях длительного, почти непрерывного, чрезвычайного расширения казенного предпринимательства. Преднамеренное значительное увеличение доли национальных хозяйственных ресурсов, поступающих в распоряжение казны, каждый раз побуждает «власти предержавные» ограничивать доходы и имущественное владение граждан, подавлять интересы различных групп населения и перекраивать социальную структуру, ужесточать юридические кондиции для

проявления частной хозяйственной инициативы, ухудшать действие рыночных регуляторов.

Чем активнее государственный аппарат вторгается в стихийное течение воспроизводственных процессов, тем весомее становится его роль в поддержании макроэкономической сбалансированности, тем слабее реализуются функции рыночной самонастройки хозяйства. Предпринимательская экспансия высших кругов бюрократии пресекается резким падением темпов роста или разрушением экономики.

Финансы – это самый важный механизм централизованного регулирования экономики. От состояния бюджета (соотношения доходов и расходов) зависит функционирование народного хозяйства. В свою очередь, объем налоговых повинностей населения в пользу государства (фискальная нагрузка) обусловливается конъюнктурой национальной экономики. Хозяйственный подъем увеличивает доходы людей и их платежи в казну. Кризисные спады сопровождаются противоположными тенденциями. Перемены в бюджетной сфере дают старт серьезным преобразованиям в остальных хозяйственных сферах.

От размеров казенного предпринимательства зависят траектория и качество экономического роста страны. Ключевыми параметрами развития служат пропорция между потреблением и накоплением (сбережением) в национальном доходе, норма централизованного изъятия хозяйственных ресурсов и характер их инвестирования или расходования. Социально-экономическое реформирование связано с пороговыми уровнями воздействия государства на экономику. Преодоление государственным предпринимательством пороговых уровней активности сопровождается качественными изменениями отдельных элементов экономической системы или всей хозяйственной парадигмы.

Концепция больших циклов служит одной из важнейших теоретико-методологических и исторических предпосылок миросистемного анализа. Большие циклы – мирохозяйственная модель, охватывающая межстрановые и внутристрановые социально-экономические процессы. Изучение истории хозяйства России в длинноволновом аспекте органично включает ее в мирохозяй-

ственный контекст. Исследуется взаимосвязь внешних и внутренних факторов долгосрочного экономического развития нашей державы. Методологически снимается противопоставление политико-экономического воздействия извне (зарубежных сил) или изнутри (различных групп россиян) на ход отечественной истории, особенно в периоды системных трансформаций, реформирования и революционных потрясений.

Модель кондратьевских циклов преодолевает односторонность теоретических схем микро- и макроэкономики, углубляет понимание роли государства в экономической системе. Государство рассматривается как субъект хозяйственных отношений внутри страны и на мировой арене, который логично связывает уровни взаимодействия и теоретические схемы национальной и международной экономики. Циклический миросистемный анализ позволяет выявлять общие моменты, закономерности и специфику исторического развития российской экономики в условиях международного разделения труда.

На основе концепции больших циклов возможно теоретико-методологическое моделирование пространственно-временной организации экономики. В частности, в модель длинных волн целесообразно вводить теоретические посылки концепции кластеров М. Портера, парадигмы «летающих гусей» К. Акамацу, концепции «цикла международного производства товара», Р. Вернона и др.

Пространственно-временные длинноволновые колебания можно исследовать в рамках миросистемного анализа. Механизм больших экономических циклов свидетельствует о существовании объективных возможностей развития международного хозяйства через разрешение противоречий.

В периоды экономических подъемов, как правило, растут масштабы хозяйственной деятельности всех социальных укладов внутри национальных экономик. Они поддерживают друг друга своей активностью и заинтересованы в увеличении внутреннего рынка страны. Конкурентное сосуществование в условиях благоприятной конъюнктуры дает в той или иной степени простор каждой форме предпринимательства в разных отраслях. Аналогичная солидарность ин-

тересов наблюдается и на мировом рыночном пространстве между центральной, полупериферийной и периферийными зонами в период долгосрочного экономического роста.

Депрессивное состояние деловой активности обостряет конкуренцию между укладами внутри национальных экономик за ресурсы, приводит к столкновению в борьбе за товарные рынки. В конфронтации побеждают представители сильнейших укладов – корпоративного и государственного. Они пытаются сохранять траекторию экономического роста за счет ухудшения условий хозяйствования слабых производственных звеньев, среднего и малого предпринимательства. По схожему сценарию действуют государства сердцевины мира-экономики в обстановке Б-фазы кондратьевского цикла. Они стараются обеспечивать свои интересы за счет подавления интересов стран полупериферии и периферии.

Крупные капиталистические структуры имеют возможность перекладывать свои экономические проблемы в нисходящей фазе большого цикла на «слабых»: у себя в стране на наемных работников, мелкий и средний бизнес, а на международной арене – на государства полупериферийных и периферийных зон. Поэтому даже в кризисных ситуациях действует механизм самосохранения иерархии и выживания капиталистической миросистемы. Стало быть, у неэгалитарного миропорядка есть резервы жизнедеятельности. Перелом же многолетней неблагоприятной конъюнктуры к лучшему вновь создает предпосылки для интенсивного накопления капитала в мире-экономике.

Международное разделение труда институционально воплощается в государственных структурах, формирующихся по оси центр–периферия, поэтому эволюция разделения труда в мировой экономике сопряжена с эволюцией межгосударственной системы.

Невозможно, чтобы национальное развитие реализовывалось в рамках капиталистической мироэкономики для всех государств. С одной стороны, национальное развитие в определенной мере всегда осуществимо, но является циклическим процессом. Социально-экономические успехи, достижения восхо-

дящей А-фазы большого цикла в значительной мере ниспровергаются долгосрочным падением мировой конъюнктуры с наступлением нисходящей Б-фазы.

С другой стороны, накопление капитала предполагает и создает иерархическую систему, в которой прибыли и выгоды неравномерно распределяются в пространстве и между социальными слоями. Историческая эволюция капиталистического хозяйства непрерывно воспроизводит свою предпосылку – социально-экономическую поляризацию населения. Поскольку неравное распределение преимуществ как исторически, так и теоретически, постоянно, постольку всякое «развитие» одной части мироэкономики имеет своей оборотной стороной «упадок», «регресс» или «слаборазвитость» кого-то другого.

Впрочем, вопреки всем кризисным потрясениям государства и люди будут по-прежнему искать способы, которые обеспечивают им вертикальную мобильность, направленную вверх в системной иерархии, или предохраняют их от движения вниз. Тем более что для некоторых людей, некоторых регионов и некоторых стран общемировая стагнация Б-фазы может оказаться периодом большого успеха. Исходя из такой оптимистической оценки, и надобно рассматривать возможные перспективы современной российской экономики, помня, что наша держава чаще добивалась экономических успехов в условиях длительной неблагоприятной мировой конъюнктуры.

Специфика циклической динамики в условиях социально-экономических трансформаций

«Длинноволновое обрамление» помогает объяснить «переходные» состояния отечественного хозяйства, определять исторический вектор перестройки государственного предпринимательства и прочих социально-экономических институтов. Историко-хозяйственный опыт нашей страны показывает примеры конъюнктурных колебаний в условиях системных трансформаций, в которых эволюционные изменения сочетаются с революционными преобразованиями социально-экономической сферы. Изучение таких переходных состояний предполагает углубление теории и методологии макроэкономического анализа.

Значимость и временная размерность историко-экономического процесса определяется длительностью его осуществления. Особенности циклического развития российской экономики были обусловлены формированием конъюнктурных колебаний в обстановке системных трансформаций, которые за последние сто лет наблюдались дважды: в 1914–1933 гг. и с 1991 г. по настоящее время, т.е. на протяжении примерно двух десятилетий. Столь длительные социально-экономические преобразования целесообразно объяснять при помощи концепции больших циклов.

В условиях системных социально-экономических трансформаций циклическая экономическая динамика модифицируется, приобретает переходный характер. Соответственно видоизменяется осуществление циклов конъюнктуры. В переходные периоды модифицируется реализация больших и среднесрочных циклов: изменяются хронологические параметры (длительность, стадийность – состав и последовательность протекания фаз цикла), набор и приоритетность взаимодействия факторов циклического экономического развития, форма (траектория) осуществления цикла.

Допустимо высказать предположение, что большой цикл имеет специфику проявления в условиях системных трансформаций, поэтому его нисходящая волна может представлять собой трансформационный цикл или трансформационный (системный, системно-структурный) кризис.

Соответственно, изменяется осуществление среднесрочных, инвестиционных циклов в контексте длинноволновой динамики. На нисходящей волне большого цикла среднесрочные колебания конъюнктуры реализуются в виде дезинвестиционных и реконструктивных циклов.

По своему содержанию дезинвестиционный цикл представляет собой процесс сжатия инвестиционной деятельности и «проедания» капитала (выбытия, неполной амортизации и восстановления фондов, нарастания физического и морального износа основного капитала). По своей длительности дезинвестиционный цикл соизмерим со среднесрочным инвестиционным циклом, и его можно характеризовать как специфическую («превращенную») форму инвести-

ционного цикла в условиях многолетнего кризисного спада (многолетней рецессии), вызванного системной социально-экономической трансформацией или как цикл в условиях переходного состояния (реформирования).

Реконструктивный цикл по своему содержанию представляет процесс восстановления и реконструкции хозяйственных связей, реконструкции основных сегментов докризисной отраслевой структуры, воссоздания инвестиционного механизма, перехода государственного предпринимательства в режим реконструктивного функционирования, трансформации модели хозяйственного развития.

Реконструктивный период по своей длительности соизмерим со среднесрочным инвестиционным циклом, и его можно характеризовать как специфическую («превращенную») форму инвестиционного цикла в условиях многолетнего восстановительного роста, вызванного системной социально-экономической трансформацией или как реконструктивный цикл в условиях переходного состояния (реформирования). Реконструктивный цикл допустимо рассматривать как форму проявления и стадию более длительного системно-структурного кризиса российской экономики.

О цикличности дезинвестиционного и реконструктивного процессов свидетельствует наличие стадийности и последовательности этапов их осуществления и развития, что соответствует понятию хронологии цикла. Оба названных периода представляют собой целостные, качественно однородные, завершенные историко-экономические этапы, имеющие свое историческое место (по отношению к предыдущему и последующему этапам) периоды развития экономики. Следовательно, среднесрочные циклы – дезинвестиционный и реконструктивный – выступают составными элементами трансформационного (системно-структурного, реформационного) цикла (в рамках понижательной волны большого цикла).

Исторический опыт нашей страны дает возможность обогатить мировую экономическую науку исследованием процессов структурных переходов от одной хозяйственной системы к другой на стыке двух больших волн. Изучение

преобразований и функционирования экономики в переломных точках больших экономических циклов важно с точки зрения экономической теории, поскольку возрастает степень ее обобщений. Российский опыт показывает свои частные проявления экономической динамики в ситуациях кризисной трансформации, т.е. эволюции в чрезвычайных условиях.

Существует возможность приращения теоретико-экономических и историко-экономических знаний посредством изучения фазовых особенностей больших циклов. Переход от исследования восходящей волны к исследованию нисходящей волны и, наоборот, от изучения Б-фазы к изучению А-фазы предполагает смену исходных теоретических посылок и построение моделей, описывающих специфику каждой из фаз в рамках единой концепции.

Такой подход отражает реальные историко-экономические изменения при чередовании фаз больших циклов: обновление «исторических декораций», т.е. условий существования мирового хозяйства; смену моделей экономического развития (устойчивый рост, многолетняя депрессия); перестройку социально-экономической структуры (отраслей, институтов, организационных форм хозяйствования, идеологических предпочтений и т.д.); реформирование механизмов хозяйственного регулирования; перекраивание системы международного разделения труда и рыночных связей; переориентацию потоков инвестиций, рабочей силы, сырья, научно-технических знаний; системные трансформации в мире и в отдельных странах; изменение форм конкурентной борьбы (политико-экономическое соперничество, военное противостояние).

Закономерности эволюции российского хозяйства

В современной истории индустриальной экономики России можно выделить три типа периодов развития государственного предпринимательства. Стабильно развивающееся, устойчивое государственное предпринимательство имело место после отмены крепостного права в 1861 г. до начала первой мировой войны в 1914 г., а также с момента окончания первой пятилетки и завершения в основном коллективизации крестьянства в 1932 г. до развертывания рыночных реформ в 1989 г. Второй тип развития – чрезвычайная трансформация

государственного предпринимательства – отмечался в годы первой мировой и гражданской войны до перехода к нэпу в 1921 г., когда происходило замещение частного предпринимательства казенным, и в 1989–1998 гг., когда государственное предпринимательство интенсивно преобразовывалось в частное ведение дел. Третьей разновидностью эволюции государственного предпринимательства можно считать его реконструкцию в годы нэпа, т.е. в 1921–1932 гг., а также с 1999 г. по настоящее время.

Чередование периодов длительных спадов и подъемов в российской экономике совпадало с изгибами в тенденциях казенного предпринимательства, что свидетельствует об их тесной взаимообусловленности. Государственная власть уступала натиску объективного стечения обстоятельств и приспосабливалась к серьезным переменам конъюнктуры. В то же время правительственные мероприятия оказывали прямое влияние на пульсацию хозяйственной жизни страны, определяли размах и частоту конъюнктурных колебаний. Кроме того, высшее политико-хозяйственное руководство по собственному почину перекраивало систему рыночного регулирования, изменяло «правила игры» – правовые нормы и обычаи – в экономике. Всякий раз коренное обновление правительственной стратегии намечало перелом в долгосрочных тенденциях развития экономики. Реформации выполняли функцию «стрелок», переводивших хозяйство страны с «пути» повышательной волны конъюнктуры на «путь» понижательной волны и наоборот.

На протяжении изучаемого исторического горизонта прослеживалось закономерное чередование асимметричного, созидательного и разрушительного воздействия государственного предпринимательства на российское хозяйство. В периоды своего устойчивого функционирования государственное предпринимательство было инициатором и стабилизатором экономического роста страны, компенсируя среднесрочные колебания конъюнктуры бюджетными расходами. Созидательное воздействие государства на экономику приносило многолетний, положительный эффект, который сдерживался лишь ограничениями ресурсов. Напротив, экстраординарное, деструктивное давление правящей вла-

сти на хозяйство было более интенсивным, сжатым во времени и имело гораздо более высокие темпы негативных изменений. Радикальные перемены государственного предпринимательства сопровождались изменениями уровней и механизмов поддержания макроэкономического равновесия.

Периоды устойчивого функционирования государственного предпринимательства характеризовались рядом закономерностей – повторяющихся при определенных условиях причинно-следственных связей. Правящая власть реализовывала стратегию индустриально-ориентированного экономического роста, усиливавшую ее финансовую мощь и социально-политическое влияние. Индустриализация страны повышала денежные доходы граждан и предприятий, увеличивала потоки налоговых платежей в бюджет. Экономический подъем консолидировал общество даже при подчинении интересов большинства населения выгодам корпоративного сектора.

Осуществление правительством долгосрочных, масштабных инвестиционных проектов расширяло емкость внутреннего рынка. Практика солидных государственных заказов содействовала становлению современной тяжелой индустрии в виде крупного, высококонцентрированного производства. Бюджетная система была приспособлена для перераспределения средств в отрасли группы «А» и отличалась преобладанием косвенного налогообложения, высоким удельным весом доходов от казенного производства, от использования государственных монополий и имущества, а также относительной независимостью от среднесрочных перепадов конъюнктуры. Высшее руководство страны сдерживало личные доходы людей, рост потребительского сектора в народном хозяйстве с целью высвобождения и инвестирования ресурсов в тяжелую промышленность гражданского и военного назначения. По тем же соображениям устанавливался и порядок внешнеэкономических связей.

Периоды стабильного развития государственного предпринимательства в рамках одной хозяйственной парадигмы продолжались немногим более полувека (1861–1913 гг. и 1933–1989 гг.), т.е. были соизмеримы с длинными волнами. Они включали в себя фрагменты понижительных фаз больших циклов (об-

щей протяженностью 25–30 лет), отличавшихся неустойчивым ростом, депрессивным состоянием экономики, и повышательные фазы больших циклов (в интервале 25–30 лет), демонстрировавших бурный хозяйственный подъем. Повышательные фазы были связаны с государственной поддержкой освоения нового технологического уклада, колонизации и урбанизации малообжитых территорий, массовых миграций населения в места создания дополнительных рабочих мест, с проведением денежных реформ в 1897 г. и в 1947 г.

Чрезвычайные трансформации (в 1914–1921 гг., 1989–1998 гг.) и реконструкция (в 1921–1932 гг., с 1999 г по настоящее время) государственного предпринимательства располагались на отрезках понижательных фаз длинных волн. Кризисное разрушение хозяйственной парадигмы предшествовавшего большого цикла шло параллельно с возникновением новых элементов равновесного регулирования экономики. Однако становление очередной парадигмы хозяйствования и соответствующей модели государственного предпринимательства завершалось после восстановления положительной макроэкономической динамики и институциональных реформ.

Эволюция казенного ведения дел в отечественной экономике была сопряжена с существованием трех видов среднесрочных циклов: инвестиционных, реконструктивных и дезинвестиционных. Инвестиционные циклы отмечались в периоды стабильного развития государственного предпринимательства, поскольку нормально протекали процессы сбережения и вложения капитала.

Реконструктивный цикл периода нэпа характеризовался «двухволновым» трендом – «подъем – спад». Отличием первой волны цикла было преимущественное инвестирование в элементы оборотного капитала при относительном избытке бездействовавших производственных мощностей. Восстановление государственной властью элементов прежней хозяйственной парадигмы, межотраслевых пропорций и экономический рост поддерживали друг друга. Вторая волна была следствием принудительного накопления, проводимого государственным предпринимательством. Чрезмерное казенное инвестирование сопро-

вождалось перестройкой и разрушением рыночных регуляторов и отраслевой структуры, замедлением хозяйственного развития.

Комплекс реформ начала 1930-х годов означал завершение новой экономической политики. Преобразованию подверглись все содержащиеся в национальном хозяйстве типы рынков: товаров, труда, денег и капитала. Перечень реформаций точно совпадал с названной классификацией рынков.

Директивно-плановая система трансформировала рыночное хозяйство, став его оригинальной разновидностью. Относительно устойчивыми параметрами в советской экономике были товарные цены, заработная плата, банковский процент, норма прибыли. Равновесие на рынках товаров, труда, денег и капитала регулировалось соответствующими подвижными показателями: объемами производства (продаж) продукции, занятости работников, денежной массы в обращении и капитальных вложений. Экономический рост обеспечивался интенсивным государственным инвестированием, переступавшим за грань инфляционной загрузки производственных мощностей предприятий и создававшим ситуацию хронического избыточного спроса на факторы производства и продукты.

Советская директивно-плановая экономика развивалась в условиях «естественного», хронического товарного голода. Степень дефицитности продуктов изменялась периодически (циклически): нарастала по мере подъема конъюнктуры и уменьшалась с ослаблением инвестиционной активности.

Темпы экономического роста падали вместе с распространением недостатка товаров. Относительное перепроизводство средств производства по сравнению с выпуском предметов потребления проявлялось в «извращенной» форме их чрезвычайной нехватки, в диспропорциях между отраслями, между спросом и предложением продуктов. При достижении критической черты дефицитности ресурсов и межотраслевых диспропорций рост производства иссякал.

Выходом из кризисной ситуации служил всеобщий пересмотр некоммерчески заниженных цен в сторону повышения. Эта мера возвращала на рынок временное, относительное равновесие, снимала напряжение бестоварья и от-

крывала путь для движения по очередному циклическому подъему хозяйственной конъюнктуры. Периодические широкомасштабные пересмотры оптовых цен и тарифов проводились в 1936 г., 1939 г., 1949–1955 гг., 1966–1967 гг., 1973–1974 гг., 1982 г. Они определяли среднесрочный ритм жизни отечественного хозяйства в течение полувека. В директивно-плановой экономике функционировал специфический механизм генерирования инвестиционных циклов в условиях хронического товарного дефицита.

Стало быть, советская экономика и соответствующая ей директивно-плановая парадигма оказались способны к самовозобновлению и эволюции в исторической перспективе. Циклическая форма развития воспроизводила исходные предпосылки собственного существования. Товарный дефицит порождался централизованным хозяйственным регулированием – политикой низких фиксированных цен, инфляционными кредитно-денежными эмиссиями и т.д. В свою очередь он предполагал директивное управление торговым оборотом, которое лишь на время смягчало нехватку продуктов. Потребность в централизованном плане руководстве распределением и использованием ресурсов страны сохранялась на всех стадиях периодических колебаний экономического роста.

С негативными последствиями директивно-планового управления наше государство спокойно справлялось во времена хорошей конъюнктуры. Но долгосрочный перелом к худшему заставил вносить коррективы в руководство экономикой. Попытки ее реформирования предпринимались неоднократно: в середине 1960-х гг., на стыке 1970-х и 1980-х гг. и, наконец, во второй половине 1980-х годов. Провозглашение политики «перестройки» свидетельствовало об исчерпании резервов роста советской экономики. Триумф и падение парадигмы директивно-планового хозяйствования уместились в один «кондратьевский» цикл.

Циклическая динамика российской экономики в условиях системных трансформаций

Специфику исторического развития российской экономики в XX столетии предопределили два глубочайших кризиса. Оба они были сопряжены с существованием директивно-плановой системы хозяйства. Один кризис был

спровоцирован участием России с 1914 г. в первой мировой войне, продолжался до окончания гражданской войны в 1920 г. и привел к становлению экономики директивно-планового типа. Истоки другого кризиса обнаружились на исходе 1980-х годов в ходе «перестройки» централизованно управляемой, казенно-кооперативной экономики СССР в смешанное, частно-государственное, конкурентно-рыночное хозяйство. Сравнение социально-экономических потрясений в начале и конце века позволяет лучше понять тенденции хозяйственного развития нашей страны.

Российские реформы конца 1980-х–1990-х гг. имели много общих моментов с преобразованиями народной жизни периода 1914–1920 гг. Повторяемость событий показывает закономерности перехода от одной парадигмы хозяйствования к другой в условиях революционной ломки всех общественных устоев.

Инициатива системных трансформаций исходила от самого сильного субъекта хозяйствования – государства. Экстраординарные, пороговые изменения количества ресурсов, втягиваемых в оборот государственного сектора экономики, сопровождались соответствующими переменами в хозяйственном законодательстве, трудовой этике народа и его социальном расслоении, режиме функционирования регуляторов рыночного равновесия, конъюнктурных колебаниях и фундаментальных условиях общественного воспроизводства. Превышение государственным аппаратом допустимого, порогового воздействия на экономику сопровождалось ее деградацией и приводило к революционным трансформациям. Так было в обоих рассматриваемых системных кризисах. Анализ чрезвычайного бюджетного финансирования позволяет понять динамику преобразований хозяйственного строя державы.

Оба системных кризиса имели один и тот же исходный пункт – ослабление бюджета в результате развертывания общегосударственной политики борьбы с пьянством. Антиалкогольные кампании императора России Николая II и президента СССР М.С. Горбачева сопровождались серьезными преобразованиями в остальных хозяйственных сферах. Они внесли свой вклад в создание

предпосылок революционных потрясений, развала и изменения основ государственности, катастрофической деградации отечественной экономики.

После отмены казенной винной монополии и запрета продажи спиртных напитков в августе 1914 г. началось необратимое разрушение бюджета российской империи. В 1914 г. винная монополия принесла казне 935 млн. рублей или 26 % всех обычных доходов. В 1916 г. доход от казенной продажи питей составил всего около 50 млн. рублей¹⁰. Потеря четверти бюджетных ресурсов в условиях возраставших военных расходов не сулила ничего хорошего.

Об изменениях государственного бюджета России в годы войны по сравнению с мирным, предвоенным периодом говорят данные таблицы 1.

Таблица 1

Основные финансовые и кредитно-денежные показатели России в 1911–1917 гг.

Показатели	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
Обычные доходы бюджета, млн. руб.	2 952	3 106	3 240	3 521	2 898	4 154	-
Обычные расходы бюджета, млн. руб.	2 536	2 722	3 012	3 302	3 408	4 236	-
Чрезвычайные доходы бюджета*, млн. руб.	-	-	-	1 438	10 302	9 566	-
Чрезвычайные расходы бюджета, млн. руб.	310	449	238	1 656	8 815	14 553	40 000
Сальдо бюджета, млн. руб.	106	- 65	- 10	1	977	- 5 069	-
Количество наличных денег в обращении, млн. руб. (на конец года)	2 100	2 244	2 393	3 675	6 397	9 992	28 378
Среднегодовой индекс оптовых цен, 1910 = 100	101,6	107,9	107,0	108,1	139,1	217,2	720,1

*внутренние и внешние займы, средства банков, правительственных и общественных учреждений

Рассчитано по данным: Вавилин И.П. Иностраный капитал в России. Л., 1925. С. 35; Пасвольский Л., Моультон Р. Русские долги и восстановление России. М., 1925. С. 61; Статистический ежегодник на 1914 год. С.Пб., 1914. С. 356, 357, 358, 359, 468, 617; Первушин С.А. Хозяйственная конъюнктура. Введение в изучение динамики русского народного хозяйства за полвека. М., 1925. С. 166, 221; Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти (1917–1928). М., 1928. С. 12, 16, 71.

Если в 1914 г. правительство успешно справилось с военными расходами, то в 1915 г. состояние казенных финансов стало критическим. В 1916 г. затраты царской власти на войну превысили пороговый уровень. После этого началось разрушение бюджетной сферы, и функционирование отечественной экономики перешло в режим деградации и распада. Роспись 1917 г. предусматривала все выплаты казначейства в сумме 24 млрд. бумажных рублей, но фактические рас-

ходы достигли почти 40 млрд. рублей¹¹. В 1918 г. денежное исчисление и планирование бюджета потеряло всякий смысл.

На основе статистических данных можно приблизительно оценить параметры предельной нагрузки расходов на бюджетные ресурсы. В 1916 г. непокрытый кассовый дефицит российского бюджета превысил величину обычных доходов от налогов, пошлин, государственных регалий, имуществ и т.п. Этот факт допустимо интерпретировать как переход в новое качественное состояние государственных финансов.

Другим параметром, характеризующим финансовую ситуацию в экономике, можно считать отношение бюджетного дефицита к сумме валового национального продукта (дохода). Величина последнего в 1916 г., по экспертным оценкам¹², составляла 80–90% от довоенного уровня в 16 млрд. рублей золотом¹³. Скорректированный по индексу оптовых цен ВВП в 1916 г. исчислялся в интервале 27,8–31,2 млрд. бумажных рублей. Следовательно, отношение «чистого» дефицита государственного бюджета к ВВП составило 16,3–18,2%, а отношение всех необеспеченных традиционными финансовыми ресурсами расходов к ВВП составило 46,9–52,6%.

На финансирование военных нужд обычных доходов не хватало, поэтому царское правительство активно использовало внутренние и внешние займы, эмиссию денежных знаков. В 1916 г. уже средств государственного кредита оказалось мало для оплаты военных приготовлений, и выпуск необеспеченных денег превратился в важнейший источник казенных расходов. Потоки излишних денег поднимали волны инфляции. В этих условиях извлечение ресурсов при помощи эмиссии зависело от соотносительной динамики количества денег в обращении и цен. В 1916 г. темпы роста оптовых цен сравнялись с темпами роста наличной денежной массы и перегнали их. Эффективность эмиссионных операций заметно снизилась, а кризисное падение экономики ускорилось.

Тенденция к упадку производительных сил страны зародилась вскоре после объявления кампании 1914 г. Обстоятельства военного времени положили начало процессам, которые влияли друг на друга и усиливали совокупное дей-

ствие. Содержание отобюджетированной армии и субсидирование оборонно-промышленного комплекса требовали таких огромных затрат, что не покрывались обычными доходами бюджета. Правительству приходилось расширять свое вмешательство в экономику, чтобы добыть недостающие средства и свести концы с концами казначейского баланса.

Плачевное состояние финансов, директивное управление, займы и эмиссии разрушали традиционный механизм самонастройки российской экономики, изживали частную инициативу и рыночные методы регулирования. Инфляция в сфере денежного обращения разрывала многие товарно-торговые связи и, как следствие, ускоряла падение объемов производства. Истощались запасы основного и оборотного капитала. Обесценивались денежные доходы, и казна вновь возвращалась к исходной ситуации бюджетного дефицита.

Все перечисленные процессы поддерживали и взаимно обуславливали друг друга, образуя замкнутый круг. Сокращение притока ресурсов всякий раз поощряло государство еще глубже «залезать в карман» народа и ужесточать воздействие на экономику. Дальнейшее истощение стратегических резервов и потеря управляемости в народном хозяйстве открывали очередной цикл развития тенденции к всеобщему огосударствлению. Количественные изменения в экономике достигали пороговых значений и вызывали трансформации хозяйственного механизма, социальной структуры, динамики конъюнктуры. Узловым пунктом оказалось запредельное увеличение бюджетных расходов в 1916 г. Переступив этот «порог», самодержавие подорвало собственную финансовую базу и «пустило под откос» отечественную экономику. Процессы ее развала стали необратимыми на несколько лет вперед. Утрата финансового господства влекла за собой крушение политической власти в 1917 году.

По схожему сценарию чрезвычайного бюджетного финансирования развивался «революционный кризис» в СССР 70 лет спустя. Макроэкономические параметры перехода от директивно-плановой экономики к рыночному хозяйству на рубеже 1980-х–1990-х годов отражены в таблице 2.

Таблица 2

Основные финансовые и кредитно-денежные показатели СССР в 1985–1990 гг. и России в 1991–1992 гг.

Показатели	1985 г.	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.	1991 г.	1992 г.
Валовой внутренний продукт (ВВП), млрд. руб.	777,3	799,1	825,9	875,5	938,7	958,2	1300,1	18086,0
Доходы бюджета, млрд. руб.	367,7	366,0	360,1	365,1	384,9	410,1	316,4	5693,8
Расходы бюджета, млрд. руб.	386,0	415,6	429,3	445,9	465,1	485,6	731,5	9754,5
Кассовый дефицит бюджета, млрд. руб.	18,3	49,6	69,2	80,8	80,2	75,5	415,1	4060,7
Наличные деньги в обращении (M0), млрд. руб.	70,7	72,7	77,6	85,8	100,4	122,7	126,1	940,5
Денежная масса в обращении (M2), млрд. руб.	377,0	393,2	439,4	502,5	575,4	663,1	750,2	4087,4
Индекс оптовых цен промышленности	100,0	101,0	101,5	102,4	104,1	107,3	255,3	5231,0
Индекс потребительских цен	100,0	101,3	102,8	103,6	106,5	113,8	305,0	7954,0

Рассчитано по данным: Илларионов А. Попытки проведения политики финансовой стабилизации // Вопросы экономики. 1995. № 7. С. 22, 23, 25.

Финансовая опора правительства М.С. Горбачева – Н.И. Рыжкова начала расшатываться «антиалкогольной кампанией» в 1985 г. Сокращение притока акцизных налогов от продажи вино-водочной продукции резко снизило обычные доходы государственного бюджета. Развертывание в неблагоприятной обстановке инвестиционной политики «ускорения» и переоснащения машиностроительного комплекса вызвало хронический дефицит в казенных финансах. Его усугубили расходы на ликвидацию последствий Чернобыльской аварии и землетрясения в Армении, падение доходов от экспорта энергоносителей и пр.

Кассовый разрыв между расходами и доходами государства возрастал абсолютно и относительно, достигая 10% валового внутреннего продукта. Бюджетная «недостача» покрывалась в основном привлечением кредитных ресурсов. Расплатой за финансовую экспансию было увеличение количества денег в обращении – агрегатов M0 и M2, а также «ползучий» рост цен и обострение товарного дефицита в стране. Но такая ситуация еще была терпимой.

Чрезвычайное положение в финансовой сфере СССР возникло в результате действий руководства РСФСР во главе с Б.Н. Ельциным по переводу крупнейших предприятий союзного значения под юрисдикцию России с одновременным снижением ставки налога на их прибыль. Возникший бюджетный дефицит восполнялся за счет кредитной эмиссии Госбанка СССР и Центрального

банка России. Решающий перелом произошел весной 1991 г., когда предприятия, обеспечивавшие большую часть доходов единого бюджета Советского Союза, получили статус российских и прекратили перечислять в него налоги. Участь руководства державы во главе с М.С. Горбачевым и единого государства СССР была предрешена.

В «предреволюционном» 1991 году размеры кассового дефицита бюджета превысили пороговый уровень. Сумма дефицита превысила абсолютную величину обычных доходов консолидированного бюджета. Совокупный дефицит российского бюджета и части союзного бюджета, приходившийся на территорию России, достиг отметки 32% российского ВВП. Темпы роста индексов оптовых и розничных цен превысили темпы роста показателей денежной массы. Перешагнув за «порог дозволенного» в бюджетном финансировании, правящая власть во главе с Б.Н. Ельциным отправила нашу экономику «по стопам» военно-коммунистического периода, к всеобщей деградации и распаду.

В обоих исследуемых системных кризисах «предпринимательская» экспансия высших кругов бюрократии, пройдя ряд этапов, пресекалась пороговым разрушением экономики, за которым следовала утрата финансового могущества государственного аппарата. Наступала пора стабилизации казенного финансирования и создания предпосылок восстановления отечественного хозяйства.

Так, в 1918 г. экономика России достигла очередного поворотного пункта в своем историческом движении. Тенденция кризисного ухудшения конъюнктуры получила новое качественное выражение. Разрушение производительных сил приобрело динамику обвала. Товарно-денежное хозяйство страны стало вырождаться в натуральное, переходя к безденежному обмену и распределению продуктов.

В этих условиях «естественным» шагом революционного правительства стала национализация предприятий важнейших отраслей отечественного хозяйства, позволившая непосредственно присваивать необходимые товары и услуги. Все больше фабрик и заводов перебиралось с режима коммерческого расчета на сметно-бюджетное субсидирование вследствие хронических убытков и вырожд-

дения товарно-денежных связей в натуральные. Налоговые обязанности населения в пользу государства исполнялись как натуральные повинности: дровяная, гужевая для подвоза грузов к транспортным узлам, всеобщая трудовая.

По мере инфляционного падения покупательной силы денег и расширения бартерного обмена товарами денежный бюджет советской власти превращался в материальный. Эффективность выпусков бумажных денег с целью безвозмездного присвоения продуктов быстро падала. Ценность эмиссии в довоенных, золотых рублях составила в 1918 г.–536,2 млн., в 1919 г.–224,6 млн., в 1920 г.–122,0 млн.¹⁴

Основой бюджетного устройства страны в те годы становилась продовольственная разверстка – обязательная сдача крестьянами государству сельскохозяйственных продуктов по установленным, крайне низким ценам. Фактически это было произвольное, постоянно возрастающее натуральное налогообложение. Только хлеба и зернофуража Народный комиссариат продовольствия заготовил в 1918/19 г.–107,9 млн. пуд., в 1919/20 г.–212,5 млн. пуд., в 1920/21 г. – 283,9 млн. пуд.¹⁵ Изъятие продовольствия в казенное распоряжение замещало обычные налоги бюджета и доходы от денежной эмиссии. Ценность продуктов, извлеченных разверсткой, в золотых рублях составляла в 1918/19 г.–127 млн., в 1919/20 г.–253 млн., в 1920/21 г.–451 млн.¹⁶

В 1920 г. иссяк последний источник финансового господства большевиков, позволявший проводить разрушительную экономическую политику. Военно-потребительское отношение к народному хозяйству державы и чрезмерное извлечение ресурсов из производственной сферы достигло предела. В ответ на увеличение продразверстки, забиравшей остатки хлеба, деревня значительно сократила посевные площади, ограничив их прожиточным минимумом. По этой причине, а также из-за плохой погоды сбор зерновых в 1920 г. едва достиг 60–70% от среднего уровня¹⁷. Неурожай вызвал лютый голод, падеж скота, спровоцировал Кронштадтский мятеж и вооруженные восстания крестьян.

Государственный аппарат оказался неспособным собирать требуемое количество ресурсов. Такой вывод вытекает из сопоставления плановых заданий

продовольственной разверстки с их практическим выполнением. В 1920/21 г. предполагалось забрать у крестьян 454 млн. пуд. зерна¹⁸. Реально удалось добыть лишь 62% желаемого. Развал «натуральной» бюджетной системы, своего рода «продовольственный дефолт», стал поворотным пунктом к нэпу.

Точно так же, как и поведение большевиков в период гражданской войны, осуществление «рыночных реформ» 1990-х гг. определялось целями и интересами правящей политико-хозяйственной элиты. Объективную необходимость реорганизации директивно-плановой системы в современное рыночное хозяйство властвующая номенклатура использовала для собственной выгоды. Она постаралась максимально превратить государственное предпринимательство в зону своего частного (группового) бизнеса, т.е. присвоить как можно больше государственной собственности и доходов от нее, а также воспользоваться прочими каналами поступлений средств в бюджетные фонды.

Знание мотивов поведения облеченных властью и имевших доступ к производственным и денежным ресурсам людей позволяет понять логику проводившихся ими преобразований хозяйственного строя России. Громадные размеры и доходы отечественного казенного предпринимательства в конце 80-х гг. XX века объясняют силу и быстроту, с которой оно разрушалось и превращалось в сферу обслуживания частных интересов. Поэтому вполне «нормальным» выглядит выбор политико-экономической верхушкой «шоковой терапии» – скоротечного варианта проведения рыночных реформ.

Современные преобразования отечественного хозяйства осуществлялись в несколько этапов. Первым шагом стала либерализация цен в начале 1992 г. В условиях гиперинфляции правительство фактически отказалось индексировать денежные вклады населения в сберегательных кассах (банках), заработную плату, пенсии, социальные пособия. Так госаппарат сбросил с себя бремя прежнего внутреннего долга и заметно облегчил прочие бюджетные расходы.

Ближайшим последствием ограничения государственных расходов стало стремительное ускорение спада производства валового внутреннего продукта и сжатие потребительского спроса работников бюджетной сферы. Сокращение

объемов производства на предприятиях влекло за собой снижение занятости и доходов их работников. Оскудение покупательского спроса «ударяло бумерангом» по производителям, делая «ненужными» многие товары, сужая рынки сбыта. Ситуация «перепроизводства» вновь заставляла сокращать выпуск продукции и открывала движение по очередному порочному кругу. Непрерывное падение производства и доходов уменьшало базу налогообложения и разоряло государственные финансы.

При снижении объемов и эффективности производства увеличение доходов одной части общества происходило за счет их сокращения у всех остальных. Обильными источниками обогащения нового привилегированного социального слоя в условиях специально созданного дефицита денег были эмиссионный доход от получения льготных кредитов Центрального банка и добавленная при продвижении от производителей к покупателям наценка.

Второй этап реформирования был связан с приватизацией объектов собственности. Кампания, проводившаяся в 1992–1994 гг. под лозунгом «народной приватизации», позволила присвоить солидную часть национального богатства узкой группе предприимчивых лиц, а большинство населения лишилось прав на созданное ранее общенародное имущество. Одновременно на волне спекуляций ваучерами и акциями приватизируемых предприятий выстраивались и обваливались «финансовые пирамиды», приносившие их создателям огромные барыши за счет средств миллионов обманутых вкладчиков.

Политика приватизации вызвала хаос в отношениях собственности и трансформировала стереотип предпринимательского поведения. Утрата ответственности за вверенное имущество подвигла многих руководителей к его хищению, инициировала разворовывание многих ранее эффективных предприятий. Возможность быстрого получения доходов за счет присвоения казенного имущества и последующей его спекулятивной перепродажи ориентировала энергичных предпринимателей на раздел имевшегося общественного богатства, а не на производство новых благ и удовлетворение потребностей рынка.

Передел собственности вносил дезорганизацию в производственную деятельность, разрывал традиционные хозяйственные связи предприятий, увеличивал их затраты на торговые операции. Одновременно сокращались денежные ресурсы реального сектора экономики. Предприятия теряли свои оборотные средства, «проедали» основной капитал. Денежная масса перетекала в сферу финансовых спекуляций, где поддерживалась очень высокая норма доходности сделок с иностранной валютой, акциями приватизируемых предприятий, государственными ценными бумагами. Демонетизация экономики порождала кризис взаимных неплатежей и обостряла бюджетный кризис.

Российский капитал не только перетекал из производственной сферы и сбережений граждан в спекулятивные операции, но и в значительной части вывозился за рубеж, истощая резервы инвестиций, ускоряя падение объема ВВП. Потери отечественного хозяйства от экспорта капитала, по экспертным оценкам, составили в 1992–1998 гг. почти 570 млн. руб., в ценах 1990 г. Удручающие структурные изменения макроэкономических параметров наглядно представлены в таблице 3

Таблица 3

Основные финансовые показатели России в 1992–2000 гг., млрд. руб. (в ценах 1990 г.)

Показатели	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.
Валовой внутренний продукт, млрд. руб.	519,7	473,7	413,1	370,6	368,7	387,2	356,9	368,8	410,7
Валовое сбережение	210,1	137,6	79,0	93,0	78,0	83,7	68,0	99,2	138,0
Валовое накопление	- 39,0	5,9	0,0	38,7	28,6	88,2	57,8	56,5	72,4
Чистый экспорт капитала	249,1	131,7	79,0	54,3	49,4	- 4,5	10,2	42,7	65,6
Доходы бюджета	145,7	137,4	116,1	105,1	96,0	111,2	89,4	94,1	122,0
Расходы бюджета	163,2	159,3	155,2	117,0	112,2	131,2	109,6	97,5	114,0
Профицит (+), дефицит (-)	- 17,5	- 21,9	- 39,1	- 11,9	- 16,2	- 20,0	- 20,2	- 3,4	+ 8,0
Внутренний государственный долг.	-	0,55	7,14	18,43	40,75	60,13	50,23	20,95	10,76
Привлечение средств в бюджет от продажи ГКО, ОФЗ	-	0,55	3,84	6,45	6,05	5,11	- 6,56	- 5,26	- 4,24
Расходы на обслуживание государственного долга	-	-	-	-	7,66	6,47	19,39	14,73	16,09

Рассчитано по данным: Российский статистический ежегодник. М., 2001. С. 279, 281, 529, 530, 539; Ханин Г.И. Альтернативные методы определения объема экспорта капитала из России // ЭКО. 2001. № 1. С. 26.

Третий этап либерализации охватывал 1995–1998 гг. Он характеризовался втягиванием государственного бюджета, сбережений населения и денежных ре-

сурсов производственной сферы в «пирамиду» государственного долга. На протяжении трех лет действовала узаконенная система казнокрадства, перераспределявшая расходы федерального бюджета в пользу оплаты сверхвысоких процентов по обязательствам государственного долга.

Продуманная финансовая политика была важнейшим условием сооружения «пирамиды» казенных долговых обязательств. Властвующие структуры почти полностью лишили государственный бюджет ряда традиционных источников дохода: государственной монополии на оборот алкогольных напитков, прибыли государственных предприятий, дивидендов от пакетов акций и облигаций коммерческих структур, таможенных пошлин на вывоз необработанного сырья и других форм изъятия природной ренты, поступлений от продажи приватизируемого имущества и пр. Эти доходы, минуя «карман» государства, попадали в частные руки.

Искусственно пробитые в бюджете бреши реформаторы закрывали при помощи выпусков ГКО и ОФЗ, быстро наращивая государственный долг, заимствуя деньги под двух- и трехзначные проценты. Для обслуживания оборота своих ценных бумаг правительство намеренно сокращало затраты на социальные нужды. Так сводился баланс доходов и расходов бюджета. Правящая политико-экономическая элита практически ограничила заботы финансовых ведомств выкачиванием налогов из производственной сферы и населения ради сверхприбылей «пирамиды» ГКО и ОФЗ.

Но политика непомерного изъятия казенных ресурсов в интересах финансовой «олигархии» не могла продолжаться бесконечно, поскольку она лишь увеличивала долговое бремя. С 1997 г. ежемесячные расходы на погашение и обслуживание внутреннего долга превышали все налоговые поступления в федеральный бюджет. Официально признанный 17 августа 1998 г. крах финансовой «пирамиды» государственных краткосрочных обязательств вместе с решением Центрального банка о замораживании валютных операций капитального характера и девальвации рубля означал банкротство государства, которое стало закономерным итогом «военно-коммунистической» политики либералов. Пришло время финансовой стабилизации.

Обе полосы радикальных преобразований государственного предпринимательства в начале и конце XX века представляли собой многолетний социально-экономический кризис, революционную ломку общественных устоев. Закономерный характер институциональной и макроэкономической деградации проявлялся в следующем.

Воспроизводственные процессы в эпоху военного коммунизма и в годы либеральных реформ Б.Н. Ельцина представляли собой дезинвестиционные циклы, состоявшие из нескольких этапов деградации хозяйства и государственного предпринимательства. В это время происходило изъятие капитала из реального сектора экономики и осуществлялось инфляционное обесценение сбережений и доходов граждан.

Дезинвестиционные циклы инициировались политико-хозяйственной бюрократией посредством достижения запредельного дефицита казенных финансов. Покрытие непомерных бюджетных расходов запускало механизм самовоспроизводящегося кризиса: чем активнее государственный аппарат пытался решать свои финансовые проблемы, отбирая ресурсы у массы населения и предприятий, тем больше разрушалась экономика, тем сильнее преображался механизм ее регулирования и способы воздействия на нее правящей власти. Чем активнее государственный аппарат вторгался в «естественное» течение воспроизводственных процессов, тем весомее становилась его роль в поддержании макроэкономической сбалансированности, тем слабее реализовались функции рыночной самонастройки хозяйства.

Наблюдалась соподчиненность кризисных процессов в различных областях экономики. Деградации вначале подвергались наиболее зависимые от государственного предпринимательства сферы хозяйства: казенные финансы и кредитно-денежное обращение. Затем она охватывала оптовую торговлю и крупную, преимущественно обрабатывающую промышленность и, в конце концов, затрагивала сельское хозяйство и розничную торговлю. Темпы спада производства увеличивались по мере повышения технического уровня отрасли. Наиболее тяжелое положение складывалось в инвестиционном комплексе.

Революционные трансформации экономики сопровождались потерей примерно половины производственного потенциала страны, разрушением централизованной финансовой системы, деградацией денежного обращения (обесценением рубля, необеспеченной эмиссией денег, появлением денежных суррогатов, хождением иностранной валюты), аномальным распространением натурального товарообмена. Катастрофически ухудшались условия жизни людей: сокращалась численность населения из-за превышения смертности над рождаемостью; падал уровень доходов и потребления подавляющего большинства россиян; возникала массовая, хроническая безработица; происходил значительный отток за границу высококвалифицированных кадров.

Системные кризисы характеризовались закономерным институциональным упадком. Изменялись основы государственности: держава рассыпалась на самостоятельные государственные образования, разрывалось единое хозяйственное пространство; происходила смена политического правления страной и новый слой политико-экономических управленцев занимался переделом национального богатства в своих интересах. При экспроприации бывших собственников (национализации или приватизации) резко ухудшалось использование имущества в хозяйственных целях, происходила утрата капитала в сфере реальной экономики. Модифицировались образцы предпринимательского поведения: предприятия в массовом порядке продолжали убыточное производство продукции. Их руководство было озабочено не столько получением прибыли, сколько поддержанием жизнеспособности хозяйственных комплексов, доходов директора и занятости работников. Действовала устойчивая мотивация к свертыванию производственной деятельности предприятий и растаскиванию их активов.

Инициатором обеих российских «перестроек» были различные слои правящей политико-экономической бюрократии (высшего эшелона госаппарата и главных управленцев корпоративного сектора). Они были ведущими дезорганизаторами, ибо в своих интересах занимались развалом нашего общества и хозяйства, используя механизм бюджета. Однако нараставшая волна качественных макроэкономических и институциональных изменений лишала партийно-хозяйственное руководство остатков финансовой мощи и вынуждала менять

предпринимательскую стратегию. Пороговые социально-экономические разрушения вынуждали «организаторов» системных кризисов прекращать сию бесперспективную политику и приступать к оздоровлению государственных финансов и возрождению отечественного хозяйства.

Социально-экономическое реформирование в нашей стране было связано с пороговыми уровнями воздействия государства на экономику, ключевыми параметрами которого служат пропорция между потреблением и сбережением в национальном доходе, норма централизованного изъятия хозяйственных ресурсов и характер их инвестирования или расходования. Это подтверждается анализом макроэкономических условий возникновения централизованного планового управления экономикой в годы военного коммунизма и на исходе нэпа.

До первой мировой войны сбережение составляло не более 10% от ВВП, а потребление – чуть более 90%. За три с половиной года боевых действий казна извела около 50 млрд. руб. Если скорректировать эту номинальную цифру на покупательную силу денег по индексам товарных цен, то она составит 21 млрд. довоенных рублей. Народный (национальный) доход России в 1913 г. оценивался в 16 млрд. руб.¹⁹ Следовательно, почти половина национального дохода страны приносилась в жертву «высшим государственным» соображениям. Из-за принудительного сбережения удельный вес фонда потребления в национальном доходе опустился почти до 50%, а норма сбережений возросла в 5 раз. Такое качественное изменение пропорции между потреблением и сбережением населения невозможно было обеспечить в рамках традиционного смешанного рыночного хозяйства со свободным частным предпринимательством. По мере увеличения присваиваемых государственным аппаратом ресурсов изменялся механизм регулирования отечественной экономики. Директивно-плановая система экономики начала складываться уже в 1915 г.

С переходом к нэпу давление государственного предпринимательства на уровень и распределение доходов населения ослабло. Удельный вес накопления (сбережений) в национальном доходе опустился к среднегодовой довоенной отметке и составлял в 1924/25 г. – 8,6%, в 1925/26 гг. – 9,5%²⁰. Размеры доходов

государственного бюджета в сравнении с национальным доходом в те же годы колебались вокруг отметки 20%.

Сокращение публично-правовых изъятий ресурсов расчистило поле для частного ведения дел и почти полного восстановления современного рыночного хозяйства и его регуляторов. В первые «неповские» годы получили признание многоукладность экономики, частная собственность и частное предпринимательство, коммерческий расчет на казенных предприятиях, конкуренция хозяйствующих субъектов, свобода оптовой и розничной торговли, гибкое ценообразование, банковские и биржевые операции, коммерческий кредит и учет векселей, обращение твердой, конвертируемой валюты и т.д. «Нормальные» рыночные учреждения (банки, биржи, частные торговые, промышленные предприятия и пр.) «воскресали» в результате реформирования и уменьшения масштабов казенного ведения дел, по мере возрастания объемов и денатурализации хозяйственного оборота. Таким образом, понижение финансового воздействия государства на экономику до порогового уровня создало предпосылки нэпа.

Проведенные в 1930 г. реформы управления промышленностью, кредитной системы, налогообложения в сочетании с коллективизацией крестьянства, кустарей и ремесленников воссоздали механизм чрезвычайного изъятия ресурсов на нужды государственного предпринимательства. Создание системы государственного директивно-планового управления перевело экономику в инвестиционно-мобилизационный режим функционирования.

Провозглашение курса на индустриализацию страны означало, что правительство вновь приступило к принудительному ограничению потребления граждан с целью наращивания сбережений ресурсов и их использования для накопления капитала в промышленности. В 1930 г. норма сбережения превысила 25% пороговый уровень, совместимый с экономическим ростом. Существование директивно-плановой системы советской экономики было связано с поддержанием нормы чистого накопления выше порогового уровня в 23–25%. Вполне объяснимым выглядит падение нормы валового сбережения в ВВП в период рыночного реформирования директивно-плановой системы с 38% в 1991 г. до 19% в 1998 г.

Стало быть, системные трансформации российской экономики в военно-революционный период (1914–1920 гг.) и в конце 1980-х–1990-х гг. имели общие моменты. Повторяемость событий показывает закономерности перехода от одной парадигмы хозяйствования к другой в условиях революционной ломки всех общественных устоев. Преобразования осуществлялись правящей властью с целью увеличения количества благ, услуг, факторов производства, присваиваемых, распределяемых или используемых в ее интересах. Между динамикой объема ресурсов, вовлекаемых в сферу казенного предпринимательства, пороговыми изменениями макроэкономических параметров и трансформациями механизма хозяйственного регулирования прослеживалась отчетливая связь.

Примечания

-
- ¹ Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М.: 1989. С. 172–226.
  - ² Макконел К.Р., Брю С.Л. Экономикс: Принципы, проблемы и политика. В 2-х т. М., 1992.
  - ³ Эклунд К. Наша экономика. М., 2004.
  - ⁴ Рязанов В.Т. Хозяйственный строй России: на пути к другой экономике. СПб.: 2009. С. 6.
  - ⁵ Абалкин Л.И. Российская школа экономической мысли: поиск самоопределения // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения: Ежегодник. Вып. 3. Москва-Волгоград, 2001. С. 15, 17, 18.
  - ⁶ Белоусов А.Р. Становление советской индустриальной системы // Россия XXI. 2000. № 2. С. 37; № 3. С. 42.
  - ⁷ Кун Т. Структура научных революций. М., 1977. С. 11, 28.
  - ⁸ Корнаи Я. Системная парадигма // Вопросы экономики. 2002. № 4. С. 6.
  - ⁹ Там же. С. 10–12.
  - ¹⁰ Беляев С.Г. П.Л. Барк и финансовая политика России. 1914–1917 гг. СПб., 2002. С. 553, 562.
  - ¹¹ Пасвольский Л., Моультон Р. Русские долги и восстановление России. М., 1925. С. 62;
  - ¹² Показатели промышленного производства в 1916 г. по отдельным видам колебались в интервале 69–118%. См.: Первушин С.А. Хозяйственная конъюнктура. Введение в изучение динамики русского народного хозяйства за полвека. М., 1925. С. 221. Валовой сбор зерна в 1916 г. составил 72% от среднего уровня 1909–1913 гг. См.: Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 126.
  - ¹³ Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти (1917–1928). М., 1928. С. 12.
  - ¹⁴ Там же. С. 276.
  - ¹⁵ Там же. С. 64.
  - ¹⁶ Крицман Л.Н. Героический период Великой русской революции // Вестник коммунистической академии. Кн. 9. 1924. С. 123.
  - ¹⁷ Рыков А.И. Избранные произведения. М., 1990. С. 208.
  - ¹⁸ Рейнгольд И.И. Финансовая политика нэпа (от разверстки и монополии к обложению) // Финансовое оздоровление экономики: опыт нэпа. М., 1990. С. 45.
  - ¹⁹ Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти (1917–1928). М., 1928. С. 15.
  - ²⁰ Железнов В.Я. Накопление в народном хозяйстве СССР // Вестник финансов. 1927. № 9. С. 50.